

Купчинский Филипп Петрович

**"Герои" тыла. Очерки
преступдеятельности чинов
Интендантского ведомства во
время Русско-Японской войны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф53

Ф53 **Филипп Петрович К.**
"Герои" тыла. Очерки преступдеятельности чинов Интендантского ведомства во время
Русско-Японской войны / Купчинский Филипп Петрович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 350 с.

ISBN 978-5-519-91845-9

ISBN 978-5-519-91845-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ автора.

Тѣмъ, которые шли и гибли, повинуюсь чудовищному долгу, тѣмъ, которые, не зная чтили, тѣмъ которые вѣрили — посвящаю этотъ трудъ: рассказы о преступленіяхъ начальниковъ.

Зловѣщимъ, кровавымъ кошмаромъ два года чудовище войны стояло надъ нашей страной. Мы привыкали къ безчисленнымъ жертвамъ, мы пріучались къ ужасамъ; къ гибели близкихъ и дальнихъ мы учились относиться легко; мы знали: это принадлежитъ войнѣ, это должно быть, это всегда бываетъ на войнѣ; это и есть самая война.

Но мы не знали, что подъ шумъ тяжелыхъ боевъ въ тылу арміи, посланной «спасать родину» въ чуждыя дальнія земли, малые и большіе начальники, призванные кормить, вооружать и одѣвать полумилліонную армію, беззастѣнчиво обогащались на счетъ русскаго солдата и русскаго мужика.

Умалая возможности побѣды, истащая казну, люди которымъ ввѣрялись драгоцѣнные народные милліоны съ болью и кровью вырванные у нищаго русскаго мужика на нужды войны — грабили тайно и явно, порознь и вмѣстѣ, всякими способами отъ самыхъ грубыхъ, до самыхъ изысканныхъ и граціозныхъ.

Родина, измученная войною, родина истомленная

борьбой съ режимомъ, жаждущая обновленія, страдающая отъ хищниковъ большихъ и малыхъ — должна потребовать у виновныхъ отвѣта.

Позоръ пораженій — подготовленъ тѣми, кто въ жадной погонѣ за преступной наживой забывалъ нужды арміи и надежды родины.

Пусть образы этихъ «героевъ» встанутъ, какъ живые передъ возмущеннымъ вниманіемъ обманутыхъ.

Пусть они будутъ судимы и выброшены за бортъ общественной жизни; слишкомъ долго слишкомъ, много и безнаказанно издѣвались эти люди надъ сѣрой безглагольной массой ими безстыдно грабимыхъ солдатъ. Довольно...

Окончилась тяжелая война, но не прервалась идиллія счастливыхъ дней «героевъ» тыла.

Лучшіе сложили свои головы, трупами устлали дальнія земли, отданныя врагу, а «герои» тыла вернулись богатыми обезпеченными барами на родину, не знавшую ихъ преступленій.

Принявъ на себя тяжелую задачу описанія преступленій «героевъ» тыла я знаю, что объявляю войну сильнымъ, что «герои», спасая награбленное добро и репутацію пойдутъ на все: они будутъ и клеветать и угрожать и прятаться подъ сѣнь начальства въ наивной увѣренности, что оно спасетъ ихъ отъ ужаса оглашенія. — Я хочу и жду только одного — суда.

Пусть гласный судъ разсмотритъ дѣянія, кои обнаружены, оформлены и нуждаются лишь въ серіозныхъ дополненіяхъ и провѣркахъ особой слѣдственной комиссіей. Я жду этого суда, который безпощадно сдернетъ завѣсу съ тѣхъ таинственныхъ дѣяній, что искусно скрывались всю войну и такъ дорого обошлись русскому народу.

Оперируя съ громаднымъ количествомъ данныхъ,

я могъ ошибаться, могъ быть введенъ въ заблужденіе, могъ невѣрно освѣтить, могъ задѣть невиннаго... слѣдствіе установить мои ошибки и печатно я самъ назову ихъ, лишь только ихъ замѣчу. Въ такомъ большомъ дѣлѣ онѣ неизбежны.

«Герои» тыла, обѣщавшіе привлеченіемъ меня къ суду «за клевету» оправдать себя и разбить мои обвиненія пусть будутъ увѣрены, что въ своихъ ошибкахъ, если онѣ есть, я признаюсь открыто, какъ открыто говорилъ о преступленіяхъ.

Но ошибки установить можетъ только судъ; я одинъ безсиленъ освятить эти данные такъ, какъ это сдѣлалъ-бы судъ.

Самыя серіозныя обвиненія я поддерживаю особенно настойчиво, потому что, чѣмъ серіознѣе были обвиненія, тѣмъ они были мнѣ яснѣе, такъ какъ явились въ доказательствахъ особенно документальны и очевидны.

Я сдѣлалъ, что былъ въ силахъ, а остальное довершить слѣдствіе и судъ въ связи съ работами особо созданной междувѣдомственной комиссіи.

Ф. Купчинскій.

„Герои“ тыла.

I.

Вмѣсто предисловія.

Я буду говорить о томъ, что творилось за кулисами этой недавней печальной и позорной войны, тамъ, гдѣ не гремѣли орудія и не шли на смерть люди, гдѣ сосредоточивались глубокіе резервы, резервные госпитали, интендантство, — тамъ тоже разыгрывалась другая трагедія.

Но она разыгрывалась тихо, неслышно. Ее скрывалъ шумъ передовыхъ боевъ.

А между тѣмъ всякое событіе впереди на боевой линіи здѣсь получало свое обоснованіе, свою подготовку, свое, такъ-сказать, рожденіе.

Продовольствіе, фуражъ, одежда—обо всемъ этомъ должны были заботиться въ тылу... Имѣя одну желѣзнодорожную колею, было трудно аккуратно и во-время продвигать по той же колеѣ въ пасть этой войны и огромное количество людей, и необходимые колоссальные запасы.

Тамъ тоже пужны были и настоящіе герои, и подвиги настоящего самоотверженія. Но взоры всѣхъ были устремлены не на нихъ, а туда, на сцену войны, на обложенный японцами Квантунъ. Тылъ оставался внѣ вниманія родины, пользуясь тѣмъ, что тамъ, на родинѣ все тщательно скрывалось, главный штабъ, власти, несомнѣнно знавшія многое, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы темные, неясные слухи о жизни тыла не дошли до общества. Газеты карались за всякую попытку говорить, и хотя всякому понятна идея огласки преступленій: неизбѣжная необходимость ихъ разслѣдовать, покарать и уничтожать — тенденціозно объясняли невозможность огласки — дискредитированіемъ арміи.

И тѣ, кто замалчиваніемъ какъ бы покрывали старыя преступленія и открывали двери новымъ, тѣ виновны въ преступленіяхъ, какъ и сами преступники...

Почему множество начавшихся слѣдствій прекращалось здѣсь въ Петербургѣ? Почему здѣсь, въ Петербургѣ вовсе не считались съ необходимостью узнать, отчего про людей, занимавшихъ большіе посты, ходила „дурная молва“?

То, что происходило въ тылу арміи во время войны, требуетъ разслѣдованія. По поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, слишкомъ замѣченныхъ преступленій возбуждались дѣла, но послѣ почему-то быстро прекращались, вѣроятно потому, что тянули за собою вереницы виноватыхъ и обнаруживали неисчислимыя злоупотребленія.

Начиная говорить о томъ, что удалось разслѣдовать мнѣ изъ жизни въ тылу арміи, я буду благодаренъ за всѣ дополненія, возраженія и разъясненія.

II.

Харбинъ. Русскія деньги и „предприниматели“.

По справедливости его называли въ дни войны „современный Вавилонъ“—этотъ грязный несимпатичный городокъ, куда съ первыхъ же дней собралось множество мелкихъ и крупныхъ предпринимателей для „перепродажъ“, „поставокъ“, для устройствъ самыхъ разнообразныхъ „дѣлъ“, вплоть до поставокъ женщинъ оптомъ, въ розницу, на выборъ и по заказу и... вплоть до коммисіонной перепродажи русскаго пороха и оружія китайцамъ-хунгузамъ (о чемъ подробности ниже).

Здѣсь на узкихъ грязныхъ улицахъ этого вчерашняго захолустья вдругъ появились блестящіе кафешантаны съ безчисленными очень дорогими женщинами съ самыми безумными цѣнами на все, появились невѣдомо кѣмъ рожденные игорные дома, „клубы“, разнообразные притоны для вершенія всякихъ дѣлъ и аферъ.

Было ясно для младенца, что поживиться тутъ такъ легко.

Стоило бы только поглядѣть, какъ молодые гвардейцы, вдругъ ставшіе „казаками“, на убогихъ вокзалахъ устраивали бѣшеные кутежи, требуя не нужно много чудовищно дорогихъ наливокъ, водокъ и шампанскаго...

Съ дрожаніемъ рукъ, въ нервной завистливой досадѣ смотрѣли безчисленные слетѣвшіеся отовсюду коршуны тыла, какъ лились по землѣ рѣкой мимо ихъ рукъ русскія деньги... а они за ними вѣдь и слетѣлись сюда!..

— Почему это золото тратится помимо насъ?.. Обидно! — можно было читать на хищныхъ лицахъ подъ засаленными папахами...

Предприниматели помельче стали просто продавать порнографическія фотографіи и книжки, дорогія сигары, дешевыхъ женщинъ-туземокъ или молодыхъ китайчатъ (sic!), вина, водки, нагайки или по-цыгански мѣняли лошадей...

Тѣ-же, которые были покрупнѣй, стали тотчасъ же за огромную сумму предлагать „содержанокъ“ богатымъ военнымъ, еще долго предполагавшимъ такъ или иначе жить въ тылу, или давать въ огромный ростъ денегъ „до высылки отъ папы и мамы“, или обыгрывать наивныхъ юношей, скучавшихъ отъ невозможности весело потратить получаемыя изъ Россіи или не изъ Россіи огромныя деньги.

И быстро съ войной привыкли всѣ съѣхавшіеся за наживой, равно какъ и давно тутъ жившіе китайцы, русскіе и иностранцы, что человѣкъ въ военной или чиновничьей формѣ обязательно долженъ былъ имѣть большое количество денегъ. Потому цѣны на все стояли ненормально повышенныя, а людямъ скромнымъ, съ небольшими средствами приходилось очень плохо.

И вотъ вдругъ оказалось, что для того, чтобы швырять безумныя деньги, лить на головы служителей дорогое шампанское и осыпать брилліантами харбинскихъ красавицъ... с.-петербургскаго Невскаго проспекта,—вдругъ оказалось, что вовсе не нужно для этого получать большія переводы „отъ папы съ мамой изъ дому“.

Деньги, и большія, вдругъ стали на виду у всѣхъ тратить тѣ, которые никогда не знали даже хорошо сшитаго пальто или дорогого вина, тѣ, которые долгую „мирную“ жизнь тянули терпѣливо и уныло мизерную лямку чиновниковъ, маленькихъ вѣжливыхъ исполнителей начальническихъ капризовъ, или тѣ, что сумрачно перебивались съ огромными семьями, едва кормя ихъ и себя на маленькія „офицерскія“ жалованія въ захолустныхъ городахъ обширной Россіи...

Всѣ быстро привыкли, что здѣсь деньги дешевы, а женщины дороги и прихоти еще дороже, какъ нигдѣ...

— Женщинъ очень мало,—помню объяснялъ мнѣ какой-то богатый офицеръ, кажется изъ гвардейцевъ,—и понятно что очень дороги содержанки; онѣ у очень немногихъ, потому что одна ночь стоитъ 100—50 рублей, а шампанское въ этихъ домахъ почти

столько же! Странно, что наше начальство не может урегулировать цѣны...

Но эта жалоба на начальство, которая кажется смѣшной (потому что трудно вѣдь было бы предполагать, что начальство может тратить время на то, чтобы регулировать цѣны на женщин!...)—однако была неосновательна...

Разскажу почему неосновательна, а уже читатель да извинить меня за эту необходимую, не вполне пристойную подробность моего разсказа.

Ниже изложенное при первой необходимости может быть засвидѣтельствовано письменно и устно офицерами.

Въ публичныхъ домахъ Харбина появились *печатные* плакаты за подписью того, кого называли въ Харбинѣ — „царь и богъ Харбина“ — начальника тыла манчжурской арміи генерал-лейтенанта Надарова, слѣдующаго содержанія:

Такса для н. посѣтителей домовъ терпимости.

За 1½ часа	5 рублей.
„ 1 часъ	10 „
„ 3 часа	25 „
„ одну ночь	40—50 „

Начальникъ тыла арміи ген.-лейт.

*Надаровъ *).*

— Очень высокія цѣны!..—жаловались офицеры-посѣтители хозяйкамъ...—И странно, почему же это подпись Надарова.

— Мы только половину имѣемъ... Остальное отдаемъ, — отвѣчали хозяйки, называя вполне изумительныя имена, кому они отдаютъ другую половину.

Этотъ отвѣтъ съ указаніемъ самыхъ фамилій въ случаѣ надобности будетъ засвидѣтельствованъ офицерами.

Читатель наклоненъ къ скептицизму?!

Это кажется чудовищнымъ, хотя далеко еще не все по части соучастія администрировавшихъ въ Харбинѣ лицъ въ совершавшихся тамъ большихъ и малыхъ преступленій... Но... обо

*) Генералъ Надаровъ категорически отрицаетъ существованіе подобной таксы съ его подписью. Такъ какъ у меня имѣются показанія видѣвшихъ таксу, я принужденъ оставить до судебного разсмотрѣнія окончательное разрѣшеніе вопроса была-ли подпись? Значительно ниже читатель найдетъ новыя данныя объ этой „таксѣ“ и поборовъ съ домогъ. Мое дѣло огласить данныя, а суду предстоить разобрать оглашенное и установить степень виновности генерала Надарова.

всемъ этомъ и подобномъ говорить тогда значило подпасть подъ обвиненіе дискредитированія нашихъ шансовъ въ этой войнѣ, въ подрывѣ патріотическаго настроенія и все это цвѣло благополучіемъ и безвозбранно высасывало силы нашей арміи.

Притоны разнаго рода ютились повсюду — большіе, маленькіе, замѣтные и незамѣтные, — возбуждая днемъ отвращеніе своимъ откровеннымъ циничнымъ видомъ.

Говорили, что существованіе этихъ учрежденій было совершенно необходимо въ тылу, такъ какъ являлось гарантіей до нѣкоторой степени въ здоровьѣ людей... Не думаю! — Наоборотъ склоненъ предполагать, что эти притоны являлись разсадниками безчисленныхъ болѣзней, съ каковыми послѣ приходили въ госпитали занимать мѣста, приготовленныя для раненыхъ въ бояхъ.

Огромное количество венерическихъ больныхъ очень удивляло врачей тыла и отнимало достаточно времени и труда, принадлежавшаго по справедливости конечно раненымъ!..

Первую часть войны тыломъ арміи являлся и Ляоянъ, гдѣ находилась главная квартира Куропаткина, потому прежде, чѣмъ останавливаться на подробностяхъ жизни въ тылу, равно какъ и на описаніяхъ дѣйствій гг. начальниковъ, я долженъ поговорить немного о Ляоянѣ, чтобы читателю было вполне ясно, въ какой обстановкѣ жили въ тылу.

Конечно по взятіи Ляояна и Мукдена „тылъ“ сосредоточился въ Харбинѣ, къ которому и придется вновь возвратиться ниже.

III.

Генералъ Парчевскій.

Прежде, чѣмъ говорить о дѣятельности чиновъ интендантства, необходимо коснуться немаловажнаго для послѣдующихъ событій факта, имѣвшаго мѣсто въ Харбинѣ въ маѣ 1904 года.

Въ большомъ залѣ окружнаго интендантства манчжурскихъ армій въ городѣ Харбинѣ были выстроены всѣ чины управленія для представленія только что прибывшему изъ Петербурга новому интенданту, полковнику, а теперь генералъ-маіору Лангу.

Полковникъ Лангъ сказалъ чинамъ интендантства слѣдующую рѣчь, памятную всѣмъ; ее нельзя не вспомнить передъ тѣмъ, какъ говорить о дѣятельности интендантства въ арміи.

Вотъ приблизительно эта рѣчь:

„Господа! Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга я представлялся главному интенданту генералу Ростковскому и онъ просилъ меня ради Бога принять всѣ мѣры къ тому, чтобы у насъ въ интендантствѣ не повторилось тѣхъ безобразій, какія творились во время турецкой войны 1877—1878 годовъ и легли вѣчнымъ пятномъ на интендантское вѣдомство“.

Рѣчь была, казалось всѣмъ, искренна; сердечныя ноты подкупили слышавшихъ; всѣ обрадовались, что во главѣ интендантства будетъ стоять человѣкъ, такъ говорившій, всѣ надѣялись, что при немъ конечно не будетъ никакихъ злоупотребленій и хищеній.

Но судьба рѣшила иначе.

Въ концѣ 1904 года генералъ Лангъ оставилъ Харбинъ, уѣхавъ полевымъ интендантомъ во 2-ю манчжурскую армію. Въмѣсто него прибылъ въ Харбинъ вновь назначенный (изъ г. Читы) бывший начальникъ штаба Забайкальской области генералъ-маіоръ Парчевскій.

При немъ забыты были благородныя слова генерала Ланга, и если кто и вспоминалъ ихъ, то не иначе, какъ иронически...

Это звучитъ нѣкоторымъ приговоромъ для генерала Парчевскаго, но существенные приговоры еще впереди...

Парчевскій—академикъ. Чтобы поступить въ академію, онъ изъ католичества перешелъ въ православіе. Прежде никогда въ интендантствѣ онъ не служилъ и, какъ видно изъ только что сказаннаго, въ Харбинъ перешелъ изъ Читы со строевой должности.

Назначенъ былъ въ Харбинъ генералъ Парчевскій по непосредственному „приглашенію“ и хлопотамъ объ этомъ назначеніи начальника тыла ген. Надарова, большого пріятеля Парчевскаго по службѣ въ Читѣ, гдѣ Надаровъ былъ начальникомъ забайкальскихъ казачьихъ войскъ.

Къ генералу Надарову придется вернуться еще не разъ, потому пока остановлюсь на ген. Парчевскомъ.

Оба крупныя дѣятели тыла заслуживаютъ одинаково серьезнаго вниманія своимъ поистинѣ историческимъ поведеніемъ.

Въ началѣ 1905 года ген.-м. Парчевскій написалъ и разослалъ за своею подписью любопытный и секретный циркуляръ. Въ этомъ циркулярѣ, надъ которымъ много смѣялись въ Харбинѣ, гдѣ, кажется, давно уже привыкли ко всяческимъ откровенностямъ, говорилось, что въ послѣднее время, т. е. очень недолго послѣ того, какъ онъ поступилъ на свою должность—участились случаи